

М. Ф. Ершов**Историческая динамика школьного образования в российской провинции
(по материалам Зауралья конца XVIII — начала XX века)**

Цель статьи заключается в рассмотрении эволюции системы школьного образования Зауралья с помощью методов функционалистики. С конца XVIII по начало XX века решение проблем отечественного просвещения отставало от запросов общества. Особенно тяжелым было положение в провинции. Расширение школьной сети здесь соседствовало с постоянным дефицитом образовательных учреждений и лишь в незначительной мере сопровождалось ростом людности учащихся в местных школах. Разовые мероприятия по преодолению изоляции учительства не решали большинства его проблем. Дополнительные трудности педагогам создавал растущий рынок. Сделан вывод, что непоследовательность реформирования образования и противоречивые социокультурные тенденции в России привели к дисбалансу между структурирующей, обеспечивающей и сигнальной подсистемами.

Ключевые слова: дореволюционное образование, Зауралье, провинция, структура, учительство, функционалистика, школа.

С XVIII по начало XX века в России осуществлялся переход от традиционного к индустриальному обществу. Однако новации укоренялись непросто, с трудом. Немалое значение имело просвещение населения. В современной историографии присутствует постоянный интерес к истории провинциального образования [5; 6; 15; 16]. В то же время подлинное изучение истории школьного дела нередко подменяется компилятивным изложением, что ведет к недооценке социальных реалий. При анализе просвещения недостаточно используются методы функционалистики. Между тем для истории образования необходимо не только понимание специфики изучаемого предмета, но и знание особенностей его взаимодействия с внешним окружением. Поиск ответов требует обращения к истории педагогики, исторической психологии и к методам функционалистики. Сегодня структурно-функциональные исследования уже присутствуют в историографии [22]. Однако данные перспективные механизмы пока еще мало задействованы при изучении истории школьного образования в провинции.

Целью настоящей статьи является анализ эволюции школьного образования на материалах смежных зауральских уездов Пермской и Тобольской губерний конца XVIII — начала XX века. При этом местное образование рассматривается как динамичная структура, испытывающая внешние и внутренние воздействия. Соответственно достижение данной цели возможно при постановке ряда вопросов: на каких социокультурных основаниях происходила инкорпорация образования в глубинке? Какова была роль внешних факторов? Насколько эти воздействия отображали общественные потребности провинциального мира?

В теоретических положениях функционалистики определяется, что любая система стремится к сохранению непрерывности собственного существования. Необходимый функциональный минимум ей обеспечивают три подсистемы: структурирующая, обеспечивающая и сигнальная [3, с. 16—18]. Рассмотрим их взаимодействие на примере провинции. Здесь долгое время неофициальное домашнее или полудомашнее образование находилось вне структурирующей (государство с управленческим аппаратом) и обеспечивающей (крестьянство, производящее материальные ресурсы) подсистем. Оно по преимуществу было сигнальной подсистемой во взаимоотношениях «свои — чужие» или «свои — свои». Сказители, знахари, монахи, светские книжники играли роль медиаторов

© Ершов М. Ф., 2018

во взаимоотношениях с внешним миром. Дополнительно они воспринимали, хранили и транслировали значимую для общества информацию.

Характерно, что внешние контакты были осложнены заимствованием новых технологий, в том числе и в образовании. Речь идет о реформах в конце правления Екатерины II. Именно тогда зародилась официальная система образования на местах. Это породило новые возможности и проблемы. Они повышали «внешнюю устойчивость социальной системы — ее независимость от природных и геополитических колебаний. Вместе с тем нарушение баланса между инструментальной и регуляторной культурой снижало внутреннюю устойчивость общества, т.е. оно становилось уязвимым по отношению к колебаниям массовых настроений, импульсивным решениям харизматических лидеров и т.д.» [28, с. 133].

Модернизация государства, в значительной мере вызванная внешними обстоятельствами, обеспечивалась усилиями самодержавия, базирующегося на сословном делении общества, и, параллельно, чуждой ему идеологией Просвещения. Но распространение образования повышало управляемость населения. Так появилась квалифицированная бюрократическая прослойка. Эти противоречия определили характеристики отечественного образования более чем на сто лет. Потенциальная возможность проникновения в господствующее сословие через образование постепенно вела к изменению сословной структуры общества. Приобщение к западноевропейским нормам стало социальным маркером, отличающим благородных лиц от простолюдинов.

Данное обстоятельство было отмечено многими исследователями. Так, Эрнст Геллнер фиксирует место системы образования в аграрно-письменном обществе: «Грамотность усугубляет свойственную этому обществу статусную дифференциацию. Она является результатом упорного и довольно длительного посвящения, называемого “образованием”. Аграрное общество не обладает ни ресурсами, ни мотивами, необходимыми для того, чтобы грамотность распространялась широко, не говоря уже о том, чтобы она стала всеобщей. Общество распадается на тех, кто умеет читать и писать, и на тех, кто этого не умеет. Грамотность становится знаком, определяющим положение в обществе, и таинством, дающим пропуск в узкий круг посвященных. Роль грамотности как атрибута статусных различий становится еще более ярко выраженной, если на письме используется мертвый или какой-нибудь специальный язык: письменные сообщения отличаются тогда от устных не только тем, что они написаны. Благоговение перед письменами — это прежде всего благоговение перед их таинственностью» [13, с. 150].

Потребность в специалистах дополнительно связывалась с появлением рынка, мануфактур и фабрик. Реформы Екатерины II по созданию малых народных училищ в уездных и главных народных училищ в губернских городах были продолжены ее преемниками. Уставы (1804, 1828 и 1864 гг.) завершили создание основ образования. В России появились приходские и уездные училища, гимназии и университеты. Увеличивалось количество учащихся и учебных заведений, расширялась их специализация и номенклатура, росли сроки обучения и объемы преподаваемых знаний. В 1809 г. в России имелось 26 гимназий, в 1860 г. — 84, в 1900 г. — 197. В начале XIX века гимназический курс был четырехлетним. К 1875 г. он вырос до восьмилетнего [14, с. 279]. Рост учебных заведений продолжился и далее.

Развитию образования мешали стереотипы. Оно не имело проверенных временем традиций. Иногда для открытия образовательного учреждения был необходим прецедент: знаменательное событие (в частности, посещение города членом императорской фамилии), память о нем или юбилей. Одна из первых зауральских школ — в Ирбите была открыта одновременно с преобразованием слободы в город в 1775 г. И школа, и го-

родской статус были связаны с активными действиями ирбитчан по защите поселения от мятежных пугачевцев. На торжественной церемонии присутствовал губернатор Чичерин [55, с. 8]. Вначале школа подчинялась воеводской канцелярии. Предписывалось обеспечить «на заведение городской школы выдачею из казны, без возврата трехсот рублей, дабы обучать катехизису, читать и писать, арифметике и держанию купеческих щетов и книг» [18, с. 1].

Формирование системы образования было общегосударственным делом. По Уставу народных училищ 1786 г. создавались малые народные училища в уездных городах. По Уставу 1804 г. началось их преобразование в уездные училища [51, с. 8—10]. В 1789 г. началось создание малых народных училищ. В Зауралье они были открыты в Ирбите, Туринске, Верхотурье и Шадринске [56; 51, с. 34—36]. В Камышлове и Кургане, недавно получивших городской статус, образовательные учреждения появились позднее. В первом приходское училище открыли в 1837 г., а уездное — в 1849 г., после чего второй класс местного приходского училища закрыли «как излишний» [58, с. 188, 225—227]. В Кургане с самого начала, в 1817 г., открылось уездное училище [31, с. 23]. В Шадринске уездное училище появилось в 1812 г., в Туринске — в 1817 г., в Березове — в 1817 г., в Ирбите — в 1820 г. [47, с. 2; 54, с. 7]. Еще позднее в городах и селах открылись приходские одноклассные училища [53].

Развивалось и женское образование. Школы для девочек открыли в Туринске и Кургане. В 1858 г. было предложено изыскивать местные средства на создание женских училищ. В Пермской губернии с этой задачей первым справился Ирбит, где основали женское трехклассное училище в 1859 г. При приходских училищах существовали отделения для девочек [27, с. 446, 451]. Государство оказывало учреждениям женского образования незначительную поддержку. Их роль в саморегуляции провинциального социума, в которой были заинтересованы вышестоящие власти, была ничтожной.

Первоначально население мало поддерживало образование. Сохранились материалы об откровенно пренебрежительном отношении к школьному делу. Например, в 1810 г. в Шадринском училище ученики занимались, стоя на коленях: не хватало столов. Положение не изменилось и в последующее время. Судя по жалобам к Н. С. Попову, директору гимназии и училищ в Пермской губернии, присланный в училище сторожем И. Хомяков не работал, пьянствовал, оскорблял присутствующих. Попов неоднократно требовал от Шадринской думы наведения порядка [11, л. 124; 10, л. 348]. Не лучше обстояли дела и в Ирбите. В 1812 г. местный учитель жаловался Попову, «что градская дума не выдавала ему своевременно жалованье, почему он, учитель, часто нуждался в самых необходимых жизненных припасах» [18, с. 3]. Уездные училища по Уставу 1804 г. финансировались государством, но приходские школы существовали за счет местного самоуправления, приказов общественного призрения и благотворителей [27, с. 450—451, 618; 23, с. 194]. Учителям, особенно состоятельным, приходилось частично содержать и уездные училища.

В 1821 г. Н. С. Попов сообщал в неофициальном письме своему тестю, смотрителю Ирбитского училища И. Н. Дьяконову, следующие известия: «Уведомляю вас, что предписано мне от г. директора университета предложить правящему должности смотрителя шадринского уездного училища учителю первого класса г. Широких, чтоб он приискивал для себя другую должность, потому что г. визитатор П. А. Словцов представлял о нем г. попечителю, что г. Широких устарел, неприлежен к должности и временем попивает, а он так беден, что и малое время без должности прожить не в состоянии; притом имеет двух дочерей, кои уже становятся невестами. Я думаю, что это следствие его неосторожности, сколько я ни писал, чтоб как можно лучше приготовился к принятию г. визитато-

ра». Случаи безнравственного поведения среди учителей здесь были нередки [18, с. 21, 46, 144—145; 47, с. 25—26, 59].

Отрицательное отношение к учительству порождалось множеством причин. К ним относились материальные траты, низкий моральный облик и профессионализм педагогов. Но существовали и скрытые социокультурные обстоятельства. Ранее, в полудомашнем обучении, учитель на добровольных началах был посредником, причем нередко с сакральными функциями. Теперь же он примыкал к бюрократической прослойке, насильно навязываемой населению. Его знания были не только рациональными, но и односторонними. Они распространялись в одном направлении: от власти к населению. Учительство начало утрачивать функции сигнальной подсистемы.

Несмотря на трудности, к середине XIX века были заложены основы системы местного образования. Это сближало его с структурирующей (бюрократическим управлением) и обеспечивающей (рыночной экономикой) подсистемами. Однако его дальнейшим успехам препятствовала непоследовательность самодержавия. Не решались вопросы перехода к всеобщему начальному образованию. Имелось качественное отставание от стран, где сроки обязательного обучения к рубежу XIX—XX веков уже доходили до 7—8 лет. Документы свидетельствуют, что высшее чиновничество тормозило развитие законодательства об образовании до и после революции 1905—1907 гг. [17]. В 1908 г. Государственная Дума приняла закон о всеобщем начальном обучении. Но, по мнению правительства, его реализация была возможна не менее чем за 10—12 лет [52, с. 84—87].

Кроме того, в России образовательные учреждения были распространены неравномерно. Худшее положение было на востоке, в том числе в Зауралье. Так, в Пермской и Тобольской [50] губерниях, несмотря на усилия энтузиастов, городских и крестьянских обществ, не были решены проблемы перехода к всеобщему начальному образованию. Повсеместное существование к началу XX века гимназий в уездных городах не отменяло здесь платы за обучение и ограниченного количества учебных мест.

В 1880 г. число учащихся едва достигало 2% от всего населения Пермской губернии, менее всего образованием были затронуты сельские сословия. Дело доходило до того, что в отдаленном Верхотурском уезде «многим отказывали в принятии в школы вследствие переполнения их учащимися» [33]. Даже десять лет спустя не решались вопросы кадрового обеспечения школ. В 1890 г. губернские власти сообщали, что в народных училищах процент учителей со «специальным образованием учительских институтов, учительских семинарий и школ незначительный; преобладают лица с низшим образованием; отсюда вытекает необходимость иметь в Перми особую учительскую семинарию для подготовки учителей в народные училища» [34, с. 76].

Заметим, что учительские институты, семинарии, церковно-учительские школы среднего образования своим выпускникам не давали, ограничиваясь начальным. Дефицит кадров повсеместно преодолевался самоотверженным трудом энтузиастов и имитацией образования. К концу XIX века в городах Пермской губернии доля грамотных лиц (умеющих читать и писать) соответствовала общероссийским показателям — 48,7%. Однако в европейской части России городское население составляло уже 12,9%. А в Пермской губернии оно достигло только 6% [20, с. 123]. При этом, действительно, в губернии по десятилетиям наблюдался относительно быстрый рост числа школ и учащихся (табл. 1).

Из материалов таблицы 1 следует: рост числа школ лишь в незначительной степени сопровождался увеличением их людности. Это означало, что учебная нагрузка в большинстве небольших деревенских и часто не приспособленных для обучения детей школ падала на 1—2 учителей. Кроме того, к 1915 г. только 61% школ Пермской губернии располагали собственными зданиями. Остальные ютились в наемных квартирах. Из общего

числа таких школ (включая расположенные в наемных помещениях) 32% признавались неудобными для занятий [36, с. 118]. Большую роль в распространении образования в «европейской» Пермской губернии играли губернское и уездные земства, городское самоуправление.

Таблица 1

Развитие образования в Пермской губернии в конце XIX — начале XX века

Людность	Год	Число школ	Количество учащихся
44,2	1870	209	9238
53,9	1880	713	38 450
54,2	1890	1327	72 714
59,2	1900	1997	118 283
74,9	1910	1846	138 358
73,1	1915	2580	190 900

Подсчитано по: [31; 32; 33; 34; 35, с. 112—114; 36, с. 115—118].

Тяжелое положение было и в Тобольской губернии, где земство отсутствовало (табл. 2).

Таблица 2

Развитие образования в Тобольской губернии в конце XIX — начале XX века

Год	Число школ	Количество учащихся	Людность
1870	189	6408	33,9
1881	282	9616	34,0
1890	564	15 769	27,9
1900	853	31 585	37,0
1910	1246	56 486	45,3
1914	1729	73 476	42,4

Подсчитано по: [37; 39, ведомость 8; 36, с. 39; 40; 41, с. 112—114; 43, с. 39].

Здесь людность в школах была ниже, чем в соседней Пермской губернии. В 1876 г. в городах губернии обучалось 4,3% от общего числа жителей, в сельской же местности — только 0,36% [38]. Через десять лет, на 1 января 1886 г., в городах Тобольской губернии 1 учащийся приходился на 16 душ, в сельской местности соотношение составляло 1 к 182. К 1900 г. учащиеся составляли 10,6% населения губернского Тобольска, 6,7% — окружных городов и 1,6% на селе [41, с. 25]. Существенный прогресс наблюдался к 1911 г.: посещали занятия до 86% детей школьного возраста в городах и до 26,4% в уездах [42, с. 36].

Особенно неблагоприятно обстояли дела в северных сельских местностях Березовского и Сургутского уездов. Здесь к 1900 г. 97 мальчиков и 56 девочек посещали 7 училищ. Годы их открытия сравнительно поздние: 1880, 1881, 1882, 1888, 1891, 1892. Южнее их, в Туринском уезде, сельских училищ было 27, в них обучалось 894 мальчика и 218 девочек. Открытие этих училищ началось несколько ранее: в 1863, 1864, 1865, 1866, 1870, 1871, 1872, 1875, 1880, 1882, 1884, 1889 гг. [45, с. 206—207]. К 1909 г. число сельских училищ в Туринском уезде выросло до 38 [46, с. 323—325]. Для северян получение дальнейшего образования было связано с особыми трудностями и переездом. В губернском Тобольске образовательные учреждения не вмещали всех желающих. Другие ближние города — Верхотурье и Туринск — не располагали средними учебными заведениями. В них имелись женские прогимназии с высокой оплатой за обучение для иногородних.

Положительной динамике препятствовали удаленность обширных, но малонаселенных территорий и инерция властей. По сведениям директора народных училищ Тобольской губернии Г. Я. Маляревского, в конце XIX века на попечении штатного смотрителя училищ Курганского уезда было 57 школ. Они были разбросаны на территории в 20 тыс. кв. верст. Наибольшее расстояние между школами в Туринском уезде составляло 375 верст [24, с. 33]. Постоянный контроль здесь был невозможен, он подменялся отчетами, разовыми мероприятиями, кампаниями, начальственной грозой.

Появление школ в отдаленных местностях стало одной из примет эпохи. Грамотность в России распространялась от столиц к провинциям, от городов к сельской местности, от преобладания мужского образования к росту женского, от юго-запада к северо-востоку, от учителей-одиночек к профессиональным коллективам. Прежде учитель надеялся на собственные силы, не обольщаясь действенной помощью извне. Но, по мере роста количества педагогов, школ и учащихся, наступал этап качественной трансформации учебного дела.

Ярким примером проблем и перспектив новых учебных заведений стала Ирбитская мужская гимназия. Ее открыли в 1907 г. в богатом ярмарочном городе. Гимназию отличало сочетание прежних традиций и современной культуры. Она располагалась в добротном кирпичном здании, была неплохо оборудована, имела хороший физический кабинет и качественную библиотеку [10, л. 23, 130—134]. Директор гимназии К. А. Белавин окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Высоким уровнем образования отличались его коллеги, еще далекие от пенсионного возраста; был хорошо организован учебный процесс, и поддерживалась дисциплина.

Гимназисты, случалось, шалили, однако их проступки не были чем-то чрезвычайным: за первые 10 лет было единственное «громкое» происшествие: случайное убийство на квартире подростка из пневматического ружья [9]. Основные проблемы были в иной сфере. Архивные материалы свидетельствуют: только с 1913 по 1915 г. состав преподавателей обновился здесь более чем наполовину [7, л. 2—7]. Приезжие, все с высшим образованием и хорошим жалованьем, быстро увольнялись. Они перебирались к югу и в европейскую часть страны [8]. Очевидно, что специалистов не устраивал город, удаленный от культурных центров.

Следует отдать должное руководителям образования в Пермской и Тобольской губерниях, в Казанском, а затем, после его разделения, в Западно-Сибирском и Оренбургском учебных округах. Они внимательно отслеживали состояние педагогических кадров на местах и, по возможности, стремились его улучшить. В частности, много сделали на этом поприще основатель Томского университета и первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа в 1885—1898 гг. В. М. Флоринский и его преемники [48, с. 23—24].

Преодоление невежества не обязательно инициировалось государством. Побуждения исходили от различных акторов, среди которых были и носители радикальной идеологии. Весьма характерны завышенные ожидания от действий учителей. Данная традиция оказалась долговечной. Ведь накопление опыта происходило не «само по себе», но в результате кропотливой работы с отложенными положительными результатами. Видимо, поэтому недостаточное развитие получил оптимальный вариант аккультурации учительства на местах — интеграции, когда идентификация с полученной культурой дополнялась приобретением культурных ценностей по месту службы. Такая положительная подвижка осуществлялась, когда учитель, не замыкаясь в своем одиночестве и не «дичая» в глуши, сохранял связи с профессиональной корпорацией.

Педагогическое сообщество осознавало свои проблемы. В периоды общественных оживлений в провинции проводились учительские съезды, курсы и совещания. Финан-

сировались они государством и земствами. Учителям оплачивали дорогу, проживание, питание. С 1872 по 1885 г. в Пермской губернии было организовано свыше 20 уездных учительских съездов и педагогических курсов [25, с. 6]. В 1881—1883 гг. работой съездов Пермской губернии руководил Н. Ф. Бунаков. Эти съезды проводились в Верхотурском, в Ирбитском и Шадринском уездах [4, с. 126—127, 137—140]. Так, в 1881 г. в Верхотурском съезде принимало участие 1,5 тыс. учителей при населении города 4 тыс. жителей [29, с. 145]. В Тобольской губернии проводились краткосрочные педагогические курсы для учителей начальных церковных школ в 1889, 1890, 1891, 1899, 1902, 1903, 1905, 1907, 1908, 1910 и 1912 гг. [4]. С начала XX века здесь же начинают проводиться летние совещания — своеобразные курсы в миниатюре [57].

Н. Ф. Бунаковым отмечалось, что съезды «очень нужны: одним — ввиду недовольства самим собой, своими силами, своим умением, другим — ввиду их неудовлетворенности результатами своей работы, третьим — ввиду привязчивости и несообразных требований начальства, четвертым — ввиду крайней скудости вознаграждения и неприглядности житейских условий, пятым — ввиду равнодушия, а то и враждебности местного населения к школе, к обучению, к учителю, шестым — ввиду полного одиночества во время учебного года, без общества, без товарищества, без малейших бесед с живыми интеллигентными людьми, без книг, без журналов, без газет, седьмым — ввиду разных интриг и каверз со стороны людей, враждебно относящихся к народному образованию, вроде земледельца с крепостническими вожделениями, или станového с кулачной расправой, или сельского богача-кулака, или, всего чаще, жадного и безбожного попа. Учительство на съезде все время находится в каком-то возбужденном состоянии благодаря урокам, обсуждениям, обмену наблюдений и мыслей, спорам, общему вниманию, на нем сосредоточенному, общему интересу, его сближающему» [4, с. 110].

В списке причин о необходимости съездов профессиональные проблемы преподавания не были основными. Доминировали коммуникативные, психотерапевтические, общеобразовательные и защитные функции съездов по сплочению педагогического сообщества. Их участники познавали край, где работали, посещали музеи, выставки, общались с представителями власти. Они также совмещали работу и отдых: выезжали на природу, устраивали чаепития, произносили речи, читали и даже писали стихи. Примечательны строки, посвященные Бунакову учительницей Ирбитской прогимназии К. Н. Эйгер:

Живи же, учитель, товарищ любимый,
Ты родине нужен — и тем,
Кто скромно идет и трудится незримый,
Кто часто готов опуститься совсем,
Кто мало участия и ласки встречает,
Кого так не балует жизнь,
Кто с теплой любовью тебя провожает
И помнит завет твой: «борись»!

В этом стихотворении, как и в поэтическом ответе адресата, характерно провозглашение внеобыденных ценностей: Божьего жара и света, веры, борения, великой правды, идеи правды [4, с. 140]. Возвышенный стиль свидетельствовал о пристрастиях педагогов и их культуре, связанной с патриархальной средой. Для учителей из глубинки официальное признание значило многое. В 1910 г. по инициативе слушателей тобольский губернатор направил благодарственную телеграмму царю и получил благожелательный ответ. Отправка верноподданнических телеграмм на высочайшее имя стала традицией [57, с. 298].

В 1913 г. участники краткосрочных педагогических курсов в г. Кургане посетили музей наглядных пособий приходских училищ и осматривали сады при городских учили-

щах. Но, вероятно, наибольшее впечатление на них произвел визит тобольского губернатора А. А. Станкевича [44, с. 70—82]. И напротив, возможность запрещения курсов, чем злоупотребляли инспектора народных училищ, воспринималась критично. Такие события помнились долго [58].

«Сверху» контролировались не только съезды педагогов, но и их отпуска. Исследователь А. Л. Михашенко акцентирует внимание на том, что «в поле зрения чиновников было даже свободное время наставников молодежи. Попечители учебных округов, руководители учебных заведений обязаны были знать, где проводят летний отдых их подчиненные. Учителям, уходящим в отпуск и выезжающим за пределы Курганского и Шадринского учебных округов, требовалось на то особое разрешение. Отпускники получали специальные билеты с гербовой печатью, в которых указывалось, что их предъявители могут проводить отпуска в разных городах Российской империи. Учителя с разрешения попечителя учебного округа могли выезжать и за пределы государства [26, с. 74—75].

За рубежом также сохранялся контроль за учителями. И многими он воспринимался как данность. Опека и мелочная регламентация жизни учителей провоцировали бюрократический произвол. Сохранилось немало сведений о бесправном положении провинциального учительства.

Но не только данные факторы были определяющими в психологическом настрое педагогов. Учительство, даже при росте его авторитета и материального благополучия, так и не смогло вернуть себе роль сигнальной подсистемы. При развитии грамотности и коммуникативной сети государственный аппарат сам знал, что «лучше» для провинциального социума. Он почти не прислушивался к мнению учительской среды. Это порождало недовольство.

Общеизвестно, что вопросы финансирования отечественной школы были весьма острыми. Но для учителей материальное содержание не стало чем-либо самоудовлетворяющим. Их благополучие увязывалось с реализацией культурных предпочтений, с защитой собственных прав и социального статуса, со свободой слова. Человек, выбравший карьеру учителя, особенно народного (т.е. работу в начальном образовании), изначально не ожидал высокого жалования. Не случайно на Съезде учительских обществ взаимопомощи в Москве (29.12.1902—6.01.1903) материальные вопросы не доминировали. Участники съезда отказались от ходатайства о понижении железнодорожного тарифа [21, с. 66—67]. Принципиальная позиция учительского сообщества осталась неизменной в 1905—1907 гг. и в послереволюционный период.

Негативные тенденции были также вызваны воздействием рынка. Относительно экономики система образования осуществляла расширенное социальное воспроизводство людских ресурсов, точнее — квалифицированной рабочей силы. Ее рост подрывал сословное деление общества. Поэтому закономерно, что самодержавие тормозило выделение значительных средств на образовательные нужды. Помимо нехватки финансов присутствовали и субъективные моменты, препятствующие обучению «кухаркиных детей». Власти, стремясь исключить «лишний» контингент, в ряде случаев удорожали стоимость обучения или не шли на открытие новых учебных заведений.

Это вело к нездоровому дефициту образовательных услуг и подспудному привнесению рыночных механизмов в сферу просвещения. За отсутствие отечественного всеобщего бесплатного образования приходилось платить как отдельным индивидам, так и обществу. Предоставление школами платных образовательных услуг при сословном строе, неразвитом рынке и незрелом гражданском обществе означало появление асимметрии во взаимоотношениях спроса и предложения. Налицо доминирование первого над последним. Экономические теории гласят, что недостаточная информация покупателей о

товарах и отсутствие действенного контроля государства дают выигрыш для недобросовестных продавцов. И напротив, в убытке оказываются те, кто продает товары и услуги высокого качества [1, с. 91—92].

Внешним наблюдателям не представлялось возможным детально определить качество образовательных услуг дореволюционных учреждений. В выигрыше оказывались школы, чья снисходительная администрация стремилась «не выносить сор из избы», сотрудничать с состоятельными родителями, членами попечительных советов, распределяющих денежные средства. Качественный труд педагогов (а такие были всегда) учитывался незначительно. Их добросовестная работа в основном влияла на имидж учреждения: «здесь грамотные и требовательные учителя».

Данное обстоятельство порождало несколько существенных следствий. Так, для небрежных педагогов, особенно в отдаленной провинциальной глуши, существовала возможность имитации своей службы. Подвижники, напротив, чувствовали неполноценность социальной реализации, отсутствие достойной жизни и подлинной востребованности их знаний. Свидетельством подобного положения дел является дневник преподавателя Барнаульской женской гимназии начала XX века Н. Ф. Шубкина [59]. Педагог-словесник, влюбленный в свое дело, стремился донести до учениц пафос великой русской литературы. Но его усилия наталкивались на провинциальную реакцию, административное беззаконие, черносотенный произвол и недостаточное финансирование.

Недовольство учительских корпораций своим положением имело под собой не только экономические, но и социокультурные основания. Неприятие педагогами исключительно экономического подхода соответствовало общей революционной тенденции в России. «Пролетарии умственного труда» здесь были близки к революционно настроенным промышленным рабочим. Разумеется, обе группы не отказывались от роста материального благополучия. Но у них имелись и принципиально иные ценностные установки. В том числе усвоенные извне.

В частности, многое в отечественном просвещении заимствовалось из германских земель. В XVIII—XIX вв. ядром немецкого образования стали университеты. К их отличительным чертам относились «представление о творчестве как о назначении человека и своеобразная идея образования — *Bildung*, предполагавшая развитие в человеке человеческого с помощью творческого освоения культурной традиции» [19, с. 225]. Культурная диффузия вела к заимствованию российским образованием, в том числе провинциальным, данного понимания.

С конца XVIII до начала XX века в Зауралье, как типичной провинции, образование все более утрачивало роль сигнальной подсистемы. Но и в структурирующей и обеспечивающей подсистемах оно не стало полноценным компонентом. Сосуществование рынка и вне рыночных идеалов вели к противоречивым воздействиям на образование. Соответственно реализация значимых мероприятий зависела от множества факторов. Проходя через иерархические структуры и общественные ожидания, управленческие решения вынужденно трансформировались.

Дисбаланс между данными подсистемами негативно влиял на учительство и провоцировал маргинализацию. В этих условиях полноценное педагогическое служение нередко вытеснялось имитацией и борьбой за существование. В итоге общество приобретало и выпускников-недоучек, и педагогов, разочарованных социальными реалиями, результатами своего труда и своим статусом. Данные драматичные обстоятельства усложняли жизнь и благородную миссию учительства. Они же провоцировали его на радикальную трансформацию собственных взглядов и деструктивные устремления.

Список использованных источников и литературы

1. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91—104.
2. Архангельская Л. В. Женское образование в городах Среднего Урала во второй половине XIX — начале XX века (на примере Ирбитской Мариинской гимназии) // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. № 3 (26). С. 123—131.
3. Беспалов В. Е., Сальников Л. В. Введение в функционалистику. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 148 с.
4. Бунаков Н. Ф. Записки. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб. : Общественная польза, 1909. 364 с.
5. Валитов А. А., Еремеева О. И., Сулимов В. С. Церковно-приходские школы Тобольской епархии в конце XIX — начале XX в. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1—2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19909>.
6. Валитов А. А., Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Влияние модернизационных процессов на трансформацию образовательной инфраструктуры поселений Северо-Западной Сибири позднимперского периода // Alma mater — Вестник высшей школы. 2015. № 12. С. 93—96.
7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 457. Оп. 1. Д. 162.
8. ГАСО. Ф. 457. Оп. 2. Д. 13.
9. ГАСО. Ф. 457. Оп. 2. Д. 15.
10. ГАСО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 157.
11. Государственный архив Шадринска (ГАСШ). Ф. 474. Оп. 1. Д. 70.
12. ГАСШ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 123.
13. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 146—200.
14. Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 5 (XIX век). С. 13—389.
15. Егорова М. В. Историография постсоветского периода о становлении системы среднего образования в дореволюционной России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 1. С. 68—77.
16. Ершов М. Ф. Социально-психологические портреты учителей Зауралья второй половины XIX — начала XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 3. С. 3—8.
17. Законотворчество думских фракций. 1906—1917 гг.: Документы и материалы. М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. 768 с.
18. Иконников В. Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820—1870). Историческая записка. Тюмень : Тип. К. Н. Высоцкого, 1871. 292, viii, 11 с.
19. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 248 с.
20. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2008. 448 с.
21. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М. : Мысль, 1981. 285 с.
22. Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907—1917 гг.). Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2005. 402 с.
23. Малышева П. М. Из истории формирования педагогических кадров гражданских школ Западной Сибири // Города Сибири. (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск : Наука, 1978. С. 189—211.
24. Маляревский Г. Я. Живая вода знания. Очерки. Статьи. Заметки. Тюмень : Истина, 2012. 200 с.
25. Маткин А. А. Педагогические курсы как этап становления системы педагогического образования в Пермской губернии в 1865—1917 гг. // Пермский педагогический журнал. 2016. № 8. С. 4—7.
26. Михашенко А. Л. Общеобразовательная школа Южного Зауралья (досоветский период). Курган : Изд-во Курган. гос. пед. ин-та, 1993. 110 с.
27. Мозель Х. Пермская губерния : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Тип. Ф. Персона, 1864. 808 с. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба).
28. Назаретян А. П. Заметки о человеческой истории и соловьях палеолита // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3, № 1. С. 119—139.
29. Невоструев Н. А. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX — начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2006. 447 с.
30. Немирова О. Г., Новикова Е. В., Уткина А. В. Курганская школа в XIX — начале XX века. Курган : [Б. и.], 1993. 137 с.

31. Обзор Пермской губернии за 1870. Прил. ко всепод. отчету за 1870 г. [Пермь, 1870]. [129] с. рукопис. текста, табл.
32. Обзор Пермской губернии за 1880 г. Прил. ко всепод. отчету за 1880 г. [Пермь, 1880]. [110] с. рукопис. текста, табл.
33. Обзор Пермской губернии за 1890 г. Прил. ко всепод. отчету за 1890 г. [Пермь, 1890]. [69] с. рукопис. текста, табл.
34. Обзор Пермской губернии за 1900. Пермь : Типо-лит. губ. правления, 1901. II, 133 с. табл.
35. Обзор Пермской губернии за 1910. Пермь : Типо-лит. губ. правления, 1911. II, 130, 54 с.
36. Обзор Пермской губернии за 1915. Пермь : Типо-лит. губ. правления, 1916. II, 133, 54 с.
37. Обзор Тобольской губернии, 1870. Прил. ко всепод. отчету за 1870 г. [Тобольск, 1870]. [204] с. рукопис. текста, табл.
38. Обзор Тобольской губернии, 1876. Прил. ко всепод. отчету за 1876. [Тобольск, 1876]. [127] с. рукопис. текста, табл.
39. Обзор Тобольской губернии, 1881. Прил. ко всепод. отчету за 1881. [Тобольск, 1881]. [141] с. рукопис. текста, табл. 8 ведомостей.
40. Обзор Тобольской губернии, 1890. Прил. ко всепод. отчету за 1890 г. [Тобольск, 1891]. [182] с. рукопис. текста, табл.
41. Обзор Тобольской губернии, 1900. Прил. ко всепод. отчету за 1900 г. [Тобольск, 1901]. [27, 29] с. рукопис. текста, табл.
42. Обзор Тобольской губернии, 1910. Прил. ко всепод. отчету за 1910 г. [Тобольск, 1911]. [3, 40, 75] с. рукопис. текста, табл.
43. Обзор Тобольской губернии, 1914. Прил. ко всепод. отчету за 1914 г. [Тобольск, 1916]. [3, 40, 79] с. рукопис. текста, табл.
44. Отчет по краткосрочным педагогическим курсам в гор. Кургане Тобольской губернии с 1-го по 28 июня 1913 года. Тобольск : Тип. епархиального братства, 1914. 91 с.
45. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год. Томск : Паровая типо-литография П. И. Меркушина, 1900. 236, XI с.
46. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1909. 397, X с.
47. Попов В. Е. Шадринское уездное училище (1812—1881). Екатеринбург : Тип. П. Н. Алексеева, В. П. Галина и К, 1898. 98 с.
48. Ректоры Томского университета: Биографический словарь (1883—2003) / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, К. В. Петров, А. В. Литвинов, К. В. Зленко. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2003. 188 с.
49. Сафронова А. М. К истории народных училищ Урала второй половины XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1975. Сб. 13. С. 26—38.
50. Сироткин С. Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLIV. Отд. неоф. С. 101—108.
51. Слудковская И. А. Развитие народной школы на Урале в XIX в. Пермь, 1976. 83 с.
52. Сысоева Е. К. Школа в городе // Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. Т. 1. Общественно-культурная среда. С. 78—156.
53. Толстых Н. Ю. Возникновение церковных школ для крестьян в Тобольской епархии // Коркина слобода: Краевед. альманах. Ишим, 2006. Вып. 8. С. 12—24.
54. Удинцев С. А. Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии. Ирбит : Тип. наслед. Е. С. Харитоновой, 1892. 130, viii с.
55. Учитель Н. Педагогические курсы в Камышловском уезде // Камышловец. 1915. № 20.
56. Фирсов Н. Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. Отд. 1. С. 143—184.
57. Чуркина Н. И. Становление системы повышения квалификации учителей Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 1. С. 295—305.
58. Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург : Типолиотография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1879. 400 с.
59. Шубкин Н. Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии (Из дневника словесника Н. Ф. Шубкина за 1911—1915 годы). СПб. : Изд-во Русского Христианского гум. ин-та, 1998. 672 с.

Поступила в редакцию 15.03.2018

Ершов Михаил Федорович, кандидат исторических наук, доцент
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Российская Федерация, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а
E-mail: mfershov@mail.ru

UDC 94(47)“17/19”:37(091)

M. F. Ershov

Historical dynamics of school education in the Russian province (on the materials of the Trans-Urals in late XVIII — early XX centuries)

The objective of the article is to consider the evolution of the system of school education of the Trans-Urals with the help of functional methods. In the period from the end of XVIII to the beginning of XX centuries the solution to problems of national education lagged behind society request. The situation in the province was especially hard. The expansion of the school network there coexisted with the permanent shortage of educational institutions, and only to a small extent it was accompanied by growth in the number students in local schools. Sporadic measures to overcome the isolation of teachers did not solve most of his problems. The growing market created additional difficulties for teachers. It is concluded that the inconsistency of educational reform and the contradictory socio-cultural trends in Russia have caused imbalance between the structuring, providing, and signal subsystems.

Key words: pre-revolutionary education, the Trans-Urals, province, structure, teachers, functionalistics, school.

Ershov Mikhail Fyodorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Institute of Applied Researches and Developments
Russian Federation, 628011, Khanty-Mansiysk, ul. Mira, 14a
E-mail: mfershov@mail.ru

References

1. Akerlof Dzh. Rynok “limonov”: neopredelennost' kachestva i rynochnyi mekhanizm [The market of “lemons”: dubious quality and market mechanism]. *THESIS*, 1994, is. 5, pp. 91—104. (In Russian)
2. Arkhangel'skaya L. V. Zhenskoe obrazovanie v gorodakh Srednego Urala vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka (na primere Irbitskoi Mariinskoi gimnazii) [Women's education in the cities of the Middle Urals in the second half of the XIX — beginning of the XX century (on the example of the Irbit Mariinsky Gymnasium)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*, 2014, no. 3 (26), pp. 123—131. (In Russian)
3. Bespalov V. E., Sal'nikov L. V. *Vvedenie v funktsionalistiku* [Introduction to Functionalistics]. Sverdlovsk, Ural. un-t Publ., 1991. 148 p. (In Russian)
4. Bunakov N. F. *Zapiski. Moya zhizn' v svyazi s obshcherusskoi zhizn'yu, preimushchestvenno provintsial'noi* [Notes. My life in connection with the all-Russian life, mainly provincial]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1909. 364 p. (In Russian)
5. Valitov A. A., Ereemeeva O. I., Sulimov V. S. Tserkovno-prikhodskie shkoly Tobol'skoi eparkhii v kontse XIX — nachale XX v. [Church parish schools of the Tobolsk diocese in late XIX — early XX century]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1—2. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19909>. (In Russian)
6. Valitov A. A., Tomilov I. S., Fedotova D. Yu. Vliyanie modernizatsionnykh protsessov na transformatsiyu obrazovatel'noi infrastruktury poselenii Severo-Zapadnoi Sibiri pozdneimperskogo perioda [Influence of modernization processes on the transformation of the educational infrastructure of settlements of North-Western Siberia of the late imperial period]. *Alma mater — Vestnik vysshei shkoly*, 2015, no. 12, pp. 93—96. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [The State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO). F. 457. Op. 1. D. 162.
8. GASO. F. 457. Op. 2. D. 13.
9. GASO. F. 457. Op. 2. D. 15.
10. GASO. F. 457. Op. 1. D. 157.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Shadrinsk* [The State Archives of Shadrinsk] (GASh). F. 474. Op. 1. D. 70.

12. GASh. F. 474. Op. 1. D. 123.
13. Gellner E. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [Coming of nationalism. Myths of the nation and class]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002, pp. 146—200. (In Russian)
14. Egorov B. F. Ocherki po istorii russkoi kul'tury XIX veka [Essays on the history of Russian culture of the XIX century]. *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of Russian culture]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000, vol. 5, pp. 13—389. (In Russian)
15. Egorova M. V. Istoriografiya postsovetskogo perioda o stanovlenii sistemy srednego obrazovaniya v dorevolyutsionnoi Rossii [Historiography of the post-Soviet period about the formation of secondary education in pre-revolutionary Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region*, 2016, no. 1, pp. 68—77. (In Russian)
16. Ershov M. F. Sotsial'no-psikhologicheskie portrety uchitelei Zaural'ya vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Socio-psychological portraits of Trans-Ural teachers in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3, pp. 3—8. (In Russian)
17. *Zakonotvorchestvo dumskikh fraktsii. 1906—1917 gg.: Dokumenty i materialy* [Lawmaking of the Duma factions. 1906—1917: Documents and materials]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006. 768 p. (In Russian)
18. Ikonnikov V. Pyatidesyatiletie Irbit'skogo uezdnogo uchilishcha (1820—1870). *Istoricheskaya zapiska* [The fiftieth anniversary of the Irbit Province School (1820—1870). Historical note]. Tyumen, Tip. K. N. Vysotskogo Publ., 1871. 292, viii, 11 p. (In Russian)
19. Koposov N. E. *Khvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial'nykh nauk* [Stop killing cats! Criticism of Social Sciences]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 248 p. (In Russian)
20. Koshman L. V. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: Sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [City and city life in Russia of the XIX century: Social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 448 p. (In Russian)
21. Leikina-Svirskaya V. R. *Russkaya intelligentsiya v 1900—1917 godakh* [The Russian intelligentsia in 1900—1917]. Moscow, Mysl' Publ., 1981. 285 p. (In Russian)
22. Lyubichankovskii S. V. *Strukturno-funktsional'nyi podkhod k istorii mestnogo upravleniya Rossiiskoi imperii (1907—1917 gg.)* [Structurally functional approach to the history of local government of the Russian Empire (1907—1917)]. Orenburg, IPK GOU OGU Publ., 2005. 402 p. (In Russian)
23. Malysheva P. M. *Iz istorii formirovaniya pedagogicheskikh kadrov grazhdanskikh shkol Zapadnoi Sibiri* [From the history of the formation of pedagogical staff of civil schools in Western Siberia]. *Goroda Sibiri. (Epokha feodalizma i kapitalizma)* [Cities of Siberia. (The Age of Feudalism and Capitalism)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 189—211. (In Russian)
24. Malyarevskii G. Ya. *Zhivaya voda znaniya. Ocherki. Stat'i. Zametki* [The living spirit of knowledge. Essays. Articles. Notes]. Tyumen', Istina Publ., 2012. 200 p. (In Russian)
25. Matkin A. A. *Pedagogicheskie kursy kak etap stanovleniya sistemy pedagogicheskogo obrazovaniya v Permskoi gubernii v 1865—1917 gg.* [Pedagogical courses as a stage of formation of the system of pedagogical education in Perm province in 1865—1917]. *Permskii pedagogicheskii zhurnal*, 2016, no. 8, pp. 4—7. (In Russian)
26. Mikhashchenko A. L. *Obshcheobrazovatel'naya shkola Yuzhnogo Zaural'ya (dosovetskii period)* [General School of the Southern Trans-Urals (pre-Soviet period)]. Kurgan, Kurgan. gos. ped. in-t Publ., 1993. 110 p. (In Russian)
27. Mozel' Kh. *Permskaya guberniya: v 2 ch. Ch. 2* [Perm province: in 2 parts. Part 2]. St. Petersburg : Tip. F. Persona Publ., 1864. 808 s. (Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba — Materials for geography and statistics of Russia, collected by the officers of the General Staff). (In Russian)
28. Nazaretyan A. P. *Zametki o chelovecheskoi istorii i solov'yakh paleolita* [Notes on human history and nightingales of the Paleolithic]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 119—139. (In Russian)
29. Nevostruev N. A. *Obrazovanie i razvitie elementov rossiiskogo grazhdanskogo obshchestva na Urale vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: dis. ... d-ra ist. nauk* [Education and development of elements of Russian civil society in the Urals in the second half of the XIX — early XX century. Dr. Dis.]. Perm, 2006. 447 p. (In Russian)
30. Nemirova O. G., Novikova E. V., Utkina A. V. *Kurganskaya shkola v XIX — nachale XX veka* [Kurgan school in the XIX — early XX century]. Kurgan, 1993. 137 p. (In Russian)
31. *Obzor Permskoi gubernii za 1870. Pril. ko vsepod. otchetu za 1870 g.* [Review of the Perm province for 1870. Ad. to governor's report for 1870] (Perm, 1870). [129] p. rukopis. teksta, tabl. — manuscript of the text, tab. (In Russian)

32. *Obzor Permskoi gubernii za 1880. Pril. ko vsepod. otchetu za 1880 g.* [Review of the Perm province for 1880. Ad. to governor's report for 1880] (Perm, 1880). [110] p. rukopis. teksta, tabl. — manuscript of the text, tab. (In Russian)
33. *Obzor Permskoi gubernii za 1890. Pril. ko vsepod. otchetu za 1890 g.* [Review of the Perm province for 1890. Ad. to governor's report for 1890] (Perm, 1890). [69] p. rukopis. teksta, tabl. (In Russian)
34. *Obzor Permskoi gubernii za 1900* [Review of the Perm province for 1900]. Perm, Tipo-lit. gub. pravleniya Publ., 1901. II, 133 p. tabl. (In Russian)
35. *Obzor Permskoi gubernii za 1910* [Review of the Perm province for 1910]. Perm, Tipo-lit. gub. pravleniya Publ., 1911. II, 130, 54 p. (In Russian)
36. *Obzor Permskoi gubernii za 1915* [Review of the Perm province for 1915]. Perm, Tipo-lit. gub. pravleniya Publ., 1916. II, 133, 54 p. (In Russian)
37. *Obzor Tobol'skoi gubernii, 1870. Pril. ko vsepod. otchetu za 1870 g.* [Overview of Tobolsk province, 1870. Ad. to governor's report for 1870]. (Tobolsk, 1870). [204] p. rukopis. teksta, tabl. (In Russian)
38. *Obzor Tobol'skoi gubernii, 1876. Pril. ko vsepod. otchetu za 1876* [Overview of Tobolsk province, 1876. Ad. to governor's report for 1876]. (Tobolsk, 1876). [127] p. rukopis. teksta, tabl. (In Russian)
39. *Obzor Tobol'skoi gubernii, 1881. Pril. ko vsepod. otchetu za 1881* [Overview of Tobolsk province, 1881. Ad. to governor's report for 1881]. (Tobolsk, 1881). [141] p. rukopis. teksta, tabl. 8 vedomostei. (In Russian)
40. *Obzor Tobol'skoi gubernii, 1890. Pril. ko vsepod. otchetu za 1890 g.* [Overview of Tobolsk province, 1890. Ad. to governor's report for 1890]. (Tobolsk, 1891). [182] p. rukopis. teksta, tabl. (In Russian)
41. *Obzor Tobol'skoi gubernii, 1900. Pril. ko vsepod. otchetu za 1900 g.* [Overview of Tobolsk province, 1900. Ad. to governor's report for 1900]. (Tobolsk, 1901). [27, 29] p. rukopis. teksta, tabl. (In Russian)
42. *Obzor Tobol'skoi gubernii, 1910. Pril. ko vsepod. otchetu za 1910 g.* [Overview of Tobolsk province, 1910. Ad. to governor's report for 1910]. (Tobolsk, 1911). [3, 40, 75] p. rukopis. teksta, tabl. (In Russian)
43. *Obzor Tobol'skoi gubernii, 1914. Pril. ko vsepod. otchetu za 1914 g.* [Overview of Tobolsk province, 1914. Ad. to governor's report for 1914]. (Tobolsk, 1916). [3, 40, 79] p. rukopis. teksta, tabl. (In Russian)
44. *Otchet po kratkosrochnym pedagogicheskim kursam v gor. Kurgane Tobol'skoi gubernii s 1-go po 28 iyunya 1913 goda* [Report on short-term pedagogical courses in the city. Kurgan of the Tobolsk province from June 1 to June 28, 1913]. Tobolsk, Tip. eparkhial'nogo bratstva Publ., 1914. 91 p. (In Russian)
45. *Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1900 god* [Memorable book of the West Siberian educational district for 1900]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya P. I. Merkushina Publ., 1900. 236, xi p. (In Russian)
46. *Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 god* [Memorable book of the West Siberian educational district for 1909]. Tomsk, Pechatnya S. P. Yakovleva Publ., 1909. 397, x p. (In Russian)
47. Popov V. E. *Shadrinskoe uezdnoe uchilishche (1812—1881)* [Shadrinsk County School (1812—1881)]. Ekaterinburg, Tip. P. N. Alekseeva, V. P. Galina i K Publ., 1898. 98 p. (In Russian)
48. Fominykh S. F., Nekrylov S. A., Petrov K. V., Litvinov A. V., Zlenko K. V. *Rektory Tomskogo universiteta: Biograficheskii slovar' (1883—2003)* [Rectors of Tomsk University: Biographical Dictionary (1883—2003)]. Tomsk, Tomsk. un-t Publ., 2003. 188 p. (In Russian)
49. Safronova A. M. K istorii narodnykh uchilishch Urala vtoroi poloviny XVIII v. [To the history of the national schools of the Urals in the second half of the 18th century]. *Voprosy istorii Urala* [Questions of the history of the Urals]. Sverdlovsk, 1975, book 13, pp. 26—38. (In Russian)
50. Sirotkin S. Vopros o vseobshchem obuchenii v Permskoi gubernii [The question of universal education in the Perm province]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1904, part CCCLIV, otd. neof., pp. 101—108. (In Russian)
51. Sludkovskaya I. A. *Razvitie narodnoi shkoly na Urale v XIX v.* [The development of the folk school in the Urals in the XIX century]. Perm, 1976. 83 p. (In Russian)
52. Sysoeva E. K. *Shkola v gorode* [School in the city]. *Ocherki russkoi kul'tury. Konets XIX — nachalo XX veka* [Essays on Russian culture. The end of XIX — the beginning of the XX century]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 2011, vol. 1: Obshchestvenno-kul'turnaya sreda, pp. 78—156. (In Russian)
53. Tolstykh N. Yu. Vozniknovenie tserkovnykh shkol dlya krest'yan v Tobol'skoi eparkhii [The emergence of church schools for peasants in the Tobolsk diocese]. *Korkina sloboda: Kraeved. al'manakh* [Korkina Sloboda: Local History. almanac]. Ishim, 2006, is. 8, pp. 12—24. (In Russian)
54. Udintsev S. A. *Ocherk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Irbitskom uезде Permskoi gubernii* [Essay on the development of public education in the Irbit County of Perm province]. Irbit, Tip. nasled. E. S. Kharitonovoi Publ., 1892. 130, viii p. (In Russian)
55. Uchitel' N. *Pedagogicheskie kursy v Kamyshlovskom uезде* [Pedagogical courses in Kamyshlovsky district]. *Kamyshlovets*, 1915, no. 20. (In Russian)
56. Firsov N. *Otkrytie narodnykh uchilishch v Permskoi gubernii* [Opening of national schools in the Perm province]. *Permskii sbornik* [Perm collection]. Moscow, 1859, book 1, otd. 1, pp. 143—184. (In Russian)

57. Churkina N. I. Stanovlenie sistemy povysheniya kvalifikatsii uchitelei Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Formation of the system of professional development of teachers in Western Siberia in the late XIX — early XX century]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, 2009, no. 1, pp. 295—305. (In Russian)

58. Shishonko V. N. *Materialy dlya opisaniya razvitiya narodnogo obrazovaniya v Permskoi gubernii s ukazaniem vremeni otkrytiya uchebnykh zavedenii* [Materials for describing the development of public education in the Perm province with the indication of the opening time of educational institutions]. Ekaterinburg, Tipolitografiya i perepletnaya A. P. Mernoi i E. K. Kraevoi Publ., 1879. 400 p. (In Russian)

59. Shubkin N. F. *Povsednevnyaya zhizn' staroi russkoi gimnazii (Iz dnevnika slovesnika N. F. Shubkina za 1911—1915 gody)* [The daily life of the old Russian gymnasium (From the diary of the philologists N. F. Shubkin for 1911—1915)]. St. Petersburg, Russkii Khristianskii gum. in-t Publ., 1998. 672 p. (In Russian)